

В МИРЕ красок, мелодий

Наверное, каждому знакомо такое чувство: идешь, идешь в гору, влечет и влечет тебя высота, а взойдешь на вершину и—взгляд вниз: сознание осваивает высоту через прикосновение к началу пути.

Подобное чувство испытываешь, знакомясь с вышедшим в издательстве «Мастацкая літаратура» четырехтомным собранием сочинений Алеся Адамовича: сегодняшнюю высоту, сегодняшний уровень его художественной и критической мысли тоже осознаешь, взглянув «вниз», прикоснувшись к началу его пути.

Оно было ярким, неординарным, это начало. Печатью своеобразия были отмечены уже первые критические статьи, появившиеся в газетах и журналах почти 30 лет тому назад. При всех недостатках, свойственных молодости,—некоторой прямолинейности взгляда, недостаточной глубине и аргументированности мысли,—было в этих статьях молодого критика то, чего очень недоставало тогдашней белорусской литературной критике: активность мысли, на прямую связывающей литературу и жизнь, широта и смелость суждений, острый полемический дух. За всем этим чувствовалась личная нравственно сложившаяся, имеющая свои убеждения, свой жизненный опыт.

Что касается широты суждений — за плечами молодого критика был университет, аспирантура. А убеждения, жизненный опыт... Чего-чего, а опыта, самого раннего, самого что ни на есть трудного, жизнь не пожалела Адамовичу. В пятнадцать лет парнишка взял в руки оружие, ушел в партизаны. Нужно ли говорить, что такой опыт формировал реакцию на жизненные явления острой, активную, возбуждал мысли неспокойные, пытливые — требуя ответа, они рвались наружу, в мир.

О том времени—50—60-х годах хорошо сказал народный поэт Белоруссии Пимен Панченко: «...гэта не спрэчка, не сварка, гэта эпохі гарачая зварка».

Критические выступления Алеся Адамовича тех лет, печатные и устные, хорошо помнятся и сегодня. Развернешь, бывало, газету, журнал — его статья, «взрывная», страстная. Критик решительно выступает против всего того, что отжило свой век в жизни и литературе, стало тормозом в их развитии. Придешь в Союз писателей на заседание секции, президиума, «круглого стола», который на самом деле был тогда не очень «круглым», — за трибуной Аlesь Адамович. Атака ведется в направлении, указанном критике решениями партии. Все называется своими именами: узкий нормативный взгляд на литературу, скрывавшийся под личиной высокой

принципиальности, догматизм, эстетическая глухота, поверхностное скольжение по жизни, выдававшее себя за отражение современности, ползуя иллюстративность; возвращается исконный смысл самому понятию художественности, утверждается высокая идейность искусства, воплощенная в совершенной художественной форме.

Помнится, реакция зала на выступление критика, как и реакция читателей на его статьи в печати,

как единого целого. А что касается его статей о творчестве Л. Толстого, Ф. Достоевского, то это, без преувеличения, образец современного прочтения классики.

Адамович-прозаик пришел к читателю позже Адамовича-критика, нога испытанное, пережитое преодолело наконец критические сомнения и осмелилось появиться на свет.

Что дилогия «Партизаны», особенно первая ее книга — «Война под крышами» была новым словом в литературе о войне и что

держательные мысли местами «лежат» в ней комьями между изображенными картинами жизни. Но это — временно. Покуда ищет самое себя мера. Она искала себя в произведениях Адамовича и нашла — в «Хатынской повести» и еще больше в «Карателях». Можно даже сказать, что мысль здесь — такой же полнопредельный герой произведения, как и все другие герои: она ведет острые диалоги, волнуется, ужасается от горечи постигнутого, но, как к свету, неизменно выходит к человеку — с верой в него, в его нравственные начала.

В автобиографии, которой окан-

шившие в огне войны, ещё и еще раз переживая свои страдания, рассказывали, как их сжигали—не сожгли, морили голодом — не уморили, истребляли — не истребили, и все это нужно было носить в душе, жить им не день и не два, а годы, покуда шла работа над книгами, покуда они выходили в свет. Да, это еще раз война, прожитая памятью, пережитая сердцем. И еще одна победа: воскрешена народная память о войне, показана новая мера правды, которая не может не влиять на нравственные искания дня сегодняшнего и дней будущих.

«Каратели»... Аlesь Адамович не мог не написать эту книгу. Его острая аналитическая мысль пальпировала гнойник фашизма еще в «Хатынской повести». Оставалось вскрыть его.

В «Карателях» зарождение фашизма показано от самых первых его «подозрительных» клеток до гнилостного распада. Писатель беспощадно судит философию, которая «разбрасывает ножи», то есть безответственно сеет идеи, наносящие человеку на человека, народ на народ. Судит общественную систему, которая создает питательную среду для произрастания таких идей, со всей тщательностью прослеживает, как, какими путями и средствами зараза фашизма поразает и нравственно разрушает самых, казалось бы, нормальных людей. Глубоко впечатляют, ужасают созданные автором образы представителей «нового порядка» — от командира карательного батальона Оскара Дирлевангера до самого Адольфа Гитлера, которые считали, что, расстреливая, сжигая людей, они работают для вечного мира, потому что — истреби все другие народы земли — фашистам не будет с кем воевать. Вызывают гнев, омерзение и горечь (ведь это бывшие люди!) «дублеры» Дирлевангера и его подручные — предатели Муравьев, Белый, Тупига, которые, купив жизнь ценою совести, и нужны-то своим хозяевам на время, для самой грязной работы: в будущем «новом порядке» им нет места, не арийская кровь течет в их жилах.

Зачем сегодняшнему читателю все эти ужасы прошлого да еще в такой мере? — напрямую спросил Аlesь Адамовича один из его интервьюеров. Затем, отвечает писатель всем своим творчеством, что человеческая память вопиет от знания страшных истин о прошлом, о войне, знания, которое может — вечная неистребимая человеческая надежда! — помешать повторению прошлого в будущем. Затем, чтобы «достучаться» до человеческой совести и вместе со всеми другими материальными средствами, которые имеются в нашем распоряжении сегодня, поставить ее, совесть, на страже мира.

С этой мыслью и шел Аlesь Адамович по улицам Минска в первых рядах колонны «Марша мира-83». Это его символ веры.
Вера ПОЛТОРАН.

Мысль неспокойная, вопрошающая

По страницам собрания сочинений Алеся Адамовича

не была однозначной. «Гул одобрения» — да, он был, он преобладал, но и неодобрение высказывалось тоже: уходящее время отступало споря, сопротивляясь. «Эпохи гарачая зварка», таким образом, закаляла крепко, талант художника слова прошел эту высокую гражданскую закалку, обрел в ней свою твердую устойчивость.

Сегодня авторитет Адамовича-критика в белорусской литературе стоит высоко. Новизна мысли, глубина анализа — идейно-эстетического в самом истинном смысле этого слова — свойственны таким его работам, как «У истоков белорусского романа», где впервые в белорусской литературной критике «Новая земля» Якуба Коласа проанализирована как романная художественная форма и названа романом, «Врата сокровищницы своей открываю», в которой тщательно проанализировано творчество М. Горьцкого и его наследие названо классикой (это стиль Адамовича: проанализировать явление со всей тщательностью и тут же назвать его, наречь), очерки творчества И. Мележа, Я. Брыля, В. Быкова, И. Шамякина, статьи «Толстовский шаг», «А что там дальше», «И ничего важнее»; «Нужно ли бояться чужих классиков»; и многие, многие другие. Аlesь Адамович расширил горизонты белорусской критической мысли, ввел белорусскую литературу в контекст всей многонациональной советской и мировой литературы.

В его наблюдениях над современным литературным процессом, над творчеством Ч. Айтматова, В. Распутина, И. Друце, В. Семина чувствуется глубокое понимание специфики каждой национальной литературы и в то же время понимание всей советской литературы

писатель показал в ней самое страшное лицо войны — когда воюют женщины и дети, об этом критика в свое время сказала очень справедливо. Но «свое время» прошло, а роман «Война под крышами» продолжает жить, не старея,—об этом тоже хочется сказать со всей определенностью. Образ Анны Михайловны Корзун, подпольщицы и партизанки, — это и извечный образ матери, для которой нет ничего дороже жизни своих детей, и вместе с тем исторически новый, советский характер во всей глубине своего общественного содержания. К таким образам время никогда не теряет интереса.

Новое, что принесла в белорусскую литературу проза Алеся Адамовича, — это насыщение художественной плоти произведения философской мыслью. А что, спросит читатель, разве в произведениях Я. Коласа, К. Чорного, М. Горьцкого, Я. Брыля, И. Мележа, В. Быкова нет философской мысли? Есть и очень глубокая: она скрыта за художественным изображением, и мы ее угадываем, проясняем, формулируем сами. Аlesь Адамович — писатель иной традиции, которая восходит к творчеству Леонида Леонова, Томаса Манна. Мысль у него угадывать не нужно, она открыта, она наряду с психологическим анализом становится средством художественного анализа жизни, человеческих характеров.

«Приучение» мысли к этой роли происходило постепенно, и неоднозначны были поиски на этом пути. Раннюю повесть «Асия» Г. Бакланов назвал концентратом, не разбавленным водичкой, и имел для этого основания: интересные, со-

держательные мысли первого тома собрания сочинений, мы находим такое признание: «О чем ни пишешь, думаешь о сегодняшнем. Это обязательно, как дышать». «Хатынская повесть» — о войне. С ее страниц во всем своем ужасе перед нами предстает картина того, как фашисты, осуществляя каннибальский план физического истребления советского народа, сожгли вместе с людьми белорусскую деревню Переходы. Стынет кровь в жилах, когда читаешь эту беспощадно правдивую книгу.

Только ли прошлое это? Нет. Сегодня судьба Хатыни смотрит в лицо всему миру. Потому «Хатынская повесть» так широко пошла по странам Европы — переведена на французский, немецкий, польский, чешский, болгарский, румынский, испанский, словацкий, венгерский языки. Пепел погибших вызывает к сердцу, разуму людей всего мира.

Книга «Я из огненной деревни», созданная в соавторстве с Я. Брылем, В. Колесником, и «Блокадная книга», написанная в соавторстве с Д. Граниным, это не только величайшие документы времени, клеймящие фашизм, не только эпопея народного страдания, но и эпопея народного мужества, неистребимого духа советского народа, который не сломался в нечеловеческих испытаниях войны, выстоял, победил фашизм. Книги эти — еще и высокий гражданский поступок их авторов, которые взяли на себя труд собрать такой огромный, такой обжигающий материал и не пожалели сердца, работая над ним: ведь это живые люди, чудом уцелев-